

...чем длиннее ряд предков, тем больше в семейной истории убийств и грабежей, ибо в старину эти два вида развлечений, сочетавших здоровый мотив с верным средством поправить расстроенное состояние, являлись одновременно и благородным промыслом, и полезным отдыхом...

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС.

Жизнь и приключения MARTINA ЧЕЗЛВИТА *

В начале 1950-х годов мой двоюродный дед Саркис гостил в Батуми у друга Сако. Тот разоткровенничался: сил уже нет, а член горкома и хочу наследника. Так как молодой Саркис хотел стать главой как минимум райкома, то пообещал по возвращении в родной Капан сделать ребенка и постараться, чтобы сына. Через год, заставив жену тайно родить в селе, Саркис взял младенца и отправился с ним в Грузию, где жена Сако прикидывалась, что рождает не козлийный пух. Через шесть лет Сако умер от рака печени, его жена, не выдержав одиночного материнства, исчезла, а Саркис, став главой капанского райкома, усыновил собственного сына: Титико Сакович Майсурадзе превратился в Тиграна Саркисовича Туманяна.

Примерно так же и с этой книгой: началось с того, что я рассказывал историю своей семьи взрослым друзьям; те авторитетно настояли, чтобы я зафиксировал все письменно; я записал истории, подождал кучу лет, пока умрут некоторые родственники, а чтобы не нажить врагов среди других, поменял имена и детали и вынужден констатировать, что все персонажи вымышлены и любые совпадения случайны, хотя это и не вполне так.

* Пер. с англ. Н. Дарузес.

ВВЕДЕНИЕ

Чем я хуже собаки

Полностью меня зовут Гарегин Гургенович Геворгян — и это огромная несправедливость. С отчеством подлость в том, что, когда родился мой отец, у дедушки Гарегина и бабушки Сатеник был сын, который носил популярное армянское имя Геворг. Тогда Гарегин-папи* задумал дать второму сыну такое имя, какое не знает никто, — он был начальником районного отдела культуры, поэтому слыл человеком творческим. И есть такая армянская шутка, что любой новорожденный выписывается из роддома Арменом или Арменуи (что не так уж и глупо, если знать, что имена эти значат «армянин» и «армянка»), а уже потом родители переоформляют свидетельство о рождении. Позже, с дочкой Арменуи, Гарегин-папи решил зря за голову не браться, а вот над именем моего будущего отца думал долго: Сати-тати** говорит, что еще трехмесячным мой отец был Арменом, пока деда не озарило, что Горгом ничем не хуже. В загсе выяснилось, что в городе уже есть один мальчик Горгом и по случайному совпадению он сын начальника паспортного стола, который, как любой правильный армянин, получивший чуть-чуть власти,

* Дедушка (арм.).

** Бабушка (арм.).

решил, что имя это отныне монополизировано и принадлежит ему и больше Горгомов быть не должно. Гарегину-папи не оставалось ничего лучше, как взять что-то похожее на Горгома, — так он остановился на обычном имени Гурген, которым и назвал моего отца, рассудив, что тот сам потом поборется за право именоваться Горгомом. Бороться, однако, не пришлось, потому что сын начальника вскоре умер от свинки.

Так и росли Горгом-папа*, Геворг-хопарь** и Арменуикхокурь*** — каждый с мыслью, что назовет своего первого сына Гарегиним. Сначала у дяди Геворга родилась дочка, но Гарегиньей он ее назвать постеснялся, поэтому она Фаина теперь. Потом сын родился у тети Арменуи и она, конечно, тут же назвала его Гарегиним, но мои отец и дядя две ночи переубеждали ее, что нельзя это имя отдать под Петросянов (фамилия мужа тети), и в конце концов она сдалась, назвав сына Давидом — в честь Давид-Бека, освободителя Капана, памятник ему стоит на центральной площади.

А потом родился я — первый сын по мужской линии, Гарегин Гургенович. Следом пошли мой двоюродный брат Горгом (в честь младшего брата дяди, моего отца) Геворгович, потом — мой родной брат Геворг (в честь брата моего отца, моего дяди) Гургенович. В начале 1994 года родился еще один мой родной брат — и тут наступил кризис имен, потому что все Гарегины, Горгомы и Геворги использованы, всем оказана честь, все хотели дочку, а тут такое. Опять в свидетельство поставили «Армен» и пошли по домам придумывать имя. Из ступора всех выводит трагический случай: на войне погиб сын уже упомянутого Титико,

* Отец (арм.).

** Дядя со стороны отца (сокр. от «хойр эхпайр» — «брат отца») (арм.).

*** Тетя со стороны отца, сестра отца (арм.).

Сейран, — и в память о нем его имя получил наш с Геворгом-ахперем* брат.

Род по отцовской линии — Мелик-Хачатряны — считался княжеским по тому праву, что мой прапрапрадед Геворг был наместником семи сел. Он так много повоевал, что стал Геворг-беком, и это настолько вскружило ему голову, что он отмежевался от Мелик-Хачатрянов и пустил новую ветвь Мелик-Геворгянов. С прапрадеда Гарегина пошла традиция сохранять в роду имена Геворг и Гарегин, а княжеская приставка «Мелик» отпала от страха, вызванного приходом советской власти.

* Брат (арм.).

ЧАСТЬ 1

СЕМЬЯ МАТЕРИ

ГЛАВА 1

Горностоям чужды заботы простых людей

В середине 1950-х годов мать моей матери, Вартик-тати, жила со своими мамой и младшей сестрой в деревне Арачадзор (в переводе — «первое ущелье»), которая была в составе области городка Ленгруппа (типа «ленинские горы», в пяти километрах от Капана). По югу Армении было известно, что именно в Арачадзоре живут самые глупые женщины в мире, — виной тому были молибденовые месторождения, действующие со времен Второй мировой, и постоянный северный ветер, который пригоняет туда ядовитые пары, пагубно влияющие почему-то только на женские головы. Поэтому мой будущий дед Эдвард, сам будучи из Ленгруппы, не питал надежд найти себе здесь жену.

Эдвард-папи редко появлялся в Арачадзоре, он приезжал сюда иногда на выходные к похожему на Гитлера старшему брату Размику (родители их умерли молодыми, и следила за ними выпивающая тетя, у которой своих детей было то ли двенадцать, то ли тринадцать). Развлекались два брата тем, что измывались над арачадзорками: например, ловили девушку и забрасывали ее математическими вопросами про самолеты из точек А и Б. Больше всего они смеялись не потому, что те не знали решения, а потому, что

интересовались, что такое самолет. Так у них укрепились пренебрежительное отношение к женщинам, но был и обратный эффект — в Эдварда влюбились все деревенские девочки. А когда статный и умный Эдвард в двадцать пять лет пошел работать сразу на руководящую должность в угледобывающую шахту в Ленгруппе, так и вовсе с ума посходили.

Несколько раз Эдварда-папи похищали местные отцы, чтобы женить на своих дочерях. Поначалу они, конечно, в отчаянии сулили в приданое тонны муки и куболитры тутовой водки, но чаще дело заканчивалось ударом куском молибденита по голове за большим кустарником. В итоге у моего будущего деда было несколько сотрясений мозга, вместо носового хряща ему вставили какую-то железяку, несколько раз угрожали убить, а один раз даже стреляли, но пуля прошла насквозь, не задев ничего важного. Был случай, когда его вовсе увезли далеко за Арчадзор в заброшенную церковь, где морили голодом. Когда его вызволил Размик, повязанные молодые мучители признались, что Эдварда они заперли, чтобы проучить, а то не получается конкурировать с ним.

После этого случая Эдвард-папи сосредоточился на работе в Ленгруппе. Когда ему исполнилось двадцать семь, начальство наградило его комнатой в коммуналке, и это событие дед приехал отмечать в Арчадзор. Гуляли мужской компанией, потому что Размик испугался, что с девушками дело может плохо закончиться. И как-то ночью Эдвард-папи вышел в нужник. Не опуская физиологических подробностей, Вартик-тати рассказывает, что гоняла тогда ночью шакалов от курятника и увидела, как некто при лунном свете зигзагами перебегает через мост, долго смотрит себе под ноги, расстегивает брюки и падает в кусты. И пошла посмотреть, что там такое произошло. Нашла она любимца деревни на карачках с голой задницей и упершимся головой в землю. Вартик-тати испугалась и побежала обратно, но ее настиг Эдвард-папи. Он нес пьяный бред и звал выпить.

Думая, что Вартуш слабоумная, дед предложил загадку: он отпустит ее, если она даст правильный ответ на один вопрос. Дед снял обувь и сказал: «Считай, что каждый башмак — это погон пуль от пулемета, который тебе нужно доставить однополчанину, а ему там нужно отстреливаться. Но весят они, как ты понимаешь, много — скажем, десять килограммов каждый погон. И за один переход через реку тебе нужно донести двадцать килограммов пуль. Как ты это сделаешь?» И с этими словами он положил ботинки перед бабушкой, а сам встал на другом конце моста, чтобы той некуда было отступать. А Вартик-тати взяла башмаки и, жонглируя ими в воздухе так, чтобы в одно мгновение в руках был всегда один, перешла через мост, поставила один ботинок деду на голову, другой выкинула в речку и убежала в дом.

Эдвард-папи был покорен. И на следующий день вместе с братом он украл Вартуш и уехал с ней на ослах в горы — в заброшенную церковь. Там дед, прежде чем лечь с Вартик-тати в постель, пожелал еще раз удостовериться в ее сообразительности. Он усадил ее гадать на кофейной гуще. И выяснил, что она отменно варит кофе, но в бредни не верит. Так у него не осталось никаких сомнений.

Через день после кражи мама Вартик-тати, прабабушка Нвард, взяв в руки кусок молибденовой породы, пошла требовать дочку назад. Но Размик вежливо объяснил, что это будет позором на обе семьи. Он вручил ей 30 рублей на покупку туфель и платья, в которых Вартуш вынесут в Арачадзор. Вернувшись в село, Нвард столкнулась с другой проблемой: ее семью прокляло все село. На рынке ей не продавали муку, а водитель единственного автобуса, едущего до Ленгруппы, отказывался трогаться с места, пока она не выйдет. Вечером произошло несчастье: одна из отвергнутых ранее дедом девушек всадила себе нож в сердце. Ее разъяренный отец, струсив трогать владения Размика, переломал забор на участке дома Нвард, вытоптал посевы в огороде, украл ее

куриц, петуха положил в центре курятника с головой в заднем отверстии, а козу растерзал на части — тушу за вымя повесил на дерево, а голову насадил на калитку. Участковый закрыл на это глаза, милостиво оправдав эту бойню трагической смертью дочери. Свадьбу отложили на девятый день траура. Но вскоре еще одна девушка прыгнула в горящий тони́р (это такая дырка в земле, где жарят лаваш), и торжества перенесли на неопределенный срок.

С гор, чтобы разобраться с обидчиками, спустился Размик и нагрязнулся в дом несчастного отца, уничтожившего хозяйство Нвард. Нашел он его в подвале дома, где тот, уже напившись, облил себя тутовым самогоном и грозился поджечь, если Размик сейчас же не уберется. Несколько неосторожных реплик — и горемычному отцу пришлось сдержать слово, после чего его с ожогами переправили в Капан. Всех его кур Размик перетащил в дом Нвард. В Ленинскую группу за туфлями и платьем отправили младшую сестру Вартик-тати, Цолавард*. Там ее обманули: при покупке туфель продавец дорисовал цифру «два» на ценнике в девять рублей — и та отдала все деньги. Когда Цолавард вернулась в Арачадзор, то даже не очень умная прабабушка Нвард попрекала ее за тупоумие, но сообразила, что платье для Вартик-тати можно сшить из тюля — бежевых (но к тому времени уже сильно выцветших на солнце) занавесок.

Еще месяц Эдвард и Вартуш играли в церкви в настольные игры, вырезали шахматные фигуры из молибденита и занимались сексом до изнеможения — кто выигрывал партию, мог быть снизу. В это время Размик пытался утихомирить население деревни. Водителя автобуса впервые за пятнадцать лет сменил другой; из соседнего села пригнали корову, верхом на которой сидел местный известный художник, державший над головой портрет суженых.

* Корень «вард», присутствующий в именах женщин в семье моей мамы, переводится как «роза».

Внезапно все поменялось: тех, кто страдает, стали ненавидеть, а за тринадцатилетней глупой Цолавард выстроилась очередь женихов из соседнего Антарашата. Так за две недели Размик вселил в жителей Арачадзора всю наполняющую его радость по случаю женитьбы брата.

Но по дороге в церковь он встретил изможденного Эдварда, несшего на руках обернутую в занавеску Вартуш, которую непрерывно рвало. Сменяя друг друга, они понесли ее в Арачадзор. Там прабабушка Нвард, осмотрев дочь, провозгласила ее беременной. Родня обеих семей сыграла небольшую подпольную свадьбу, сразу после которой молодожены переехали в комнату Эдварда в ленгрупповском общежитии.

ГЛАВА 2

Не перепрыгивай трусy

По приезде в Ленгруппу Вартик-тати, беременная Белой-мамой, начала раскрывать для себя бытовые повадки и характер мужа. Комната, куда они вселились, была закутком три на три метра. Справа стол из ДСП, а слева стол из красного дерева — на правом столе дедушка спал, а на левом стояли шахматы. Зарабатывал Эдвард-папи тогда на шахте 130 рублей, но с появлением жены захотел больше. Прошел обследование, которое выявило у него силикоз, — и ему сделали 70 рублей надбавки за инвалидность. Первое это начисление дед отдал соседке по коммуналке, чтобы та купила кастрюли в магазине: Эдвард действительно влюбился, и это у него выражалось в проявлениях ревности, по причине которой Вартик-тати из дома никуда не выходила. Так, взаперти, 15 августа 1959 года она родила мою маму Белу.

Эдвард-папи задумался о новом жилье и решил, что надо поговорить с начальником шахты. Связав ножки и клюв живой курице и положив ее в чемодан от аккордеона, Эдвард-папи пошел к начальнику, о котором было известно, что его жена умерла от рака, но весь город считал, что убежала за каким-то грузином; еще у него был сын, учащийся ереванского строительного института.

Дед приехал на встречу к концу рабочего дня, начальник принял его, прямо в кабинете они распили банку самогона,

но тут среди ночи позвонили из Еревана с прискорбной новостью: сын начальника умер на демонтаже памятника Сталину при падении обломка металлического листа книги, которую вождь держал в руке. Начальник срочно выезжает в столицу, Эдвард едет с ним, чемодан с курицей на заднем сиденье. Приехали в город под утро, опознали труп, стали оформлять бумаги на перевозку. Тело пообещали выдать на следующий день, и начальник с Эдвардом поехали на место смерти сына — к двадцатиметровому памятнику, стоящему на тридцатиметровом постаменте, внутри которого находился музей министерства обороны.

Начальник хотел плюнуть в лицо Сталину, и тогда Эдварду пришла в голову идея: метнуть в лоб вождю еле живую курицу, предварительно ее оплевав. Используя стойку из строительных лесов как шест, они запустили птицу вверх. Но курица — чудом вылетевшая из скопления перетяжек — подлетела на пару метров и застряла в выступе постамента. Пока начальник задыхался в истерике от смеха и слез, их заметил милицейский патруль, который задержал хулиганов и упер на трое суток в изолятор. В камере Эдвард и начальник стали друзьями — и тот пообещал помочь с квартирой сразу по возвращении в Капан. Им грозил суд, выдворение из окружных советов и куча всего еще. Но, приняв во внимание смягчающие обстоятельства, связанные со смертью сына, их отпустили. Более того, сердобольный милиционер сказал потом, что отпустил бы их вообще, если бы курица долетела до Сталина, потому что до вождя никому дела нет, но она угодила в постамент, а это уже — здание музея.

В Капане Эдварду-папи предоставили двухкомнатную квартиру. А начальник, не в силах пережить смерть сына, ушел в религию. Однажды он позвал Эдварда-папи в гости и показал кресты, которые поставил на заднем дворе своей дачи, где похоронен не только его сын, но и любимая жена. Здесь же он и признался, что сам распускал слухи о ее побеге с грузином, потому что рак — болезнь позорная

и уж лучше пусть все думают, что он рогоносец. После этого признания он взял с моего деда обещание похоронить его между сыном и женой, где он заблаговременно вырыл яму.

Через два года начальник подарил Эдварду свой старый зеленый «Москвич-410» и гараж в придачу. Он часто бывал у Эдварда и Вартуш дома и, напившись, называл себя крестным моей матери. Позже начальник перекинулся с религиозной агитацией на детей работников шахты и на одном из субботников, куда человек двести пришли с семьями, созвал всех в туннель и с ходу принялся читать молитвы. Толпа в панике разбежалась, чуть не растоптав друг друга.

В 1968 году начальник опять съездил в Ереван — на этот раз на торжественное открытие памятника Матери Армении, установленного на постаменте, где раньше стоял Сталин. По возвращении он слег и умер — Эдвард-папи его похоронил там, где и обещал. Правда, пришлось убрать кресты с надгробий, чтобы не провоцировать соседей. Их дед положил в гроб с кульком серебряных крестов, предназначенных для крещения детей работников шахты. Сам участок пришлось засеять травой, так что долгое время (до конца 80-х, пока их не обнаружил мой отец) никто не знал, что на этом месте кто-то вообще похоронен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru